

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЪСТНИКЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 33.

23 АВГУСТА 1859.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ).

Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер.;
пногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на получение Т. и М. Вѣстника въ настоящемъ 1859 г.

въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ магазинахъ: музыкальномъ Ленгольда, и книжныхъ: Базунова, Щепкина и Свѣшниковъ.

Желающіе подписаться могутъ получить Вѣстникъ съ 1 №-ра со всѣми приложеніями.
Редакція находится въ Офицерской, близъ Большаго Театра, въ домѣ Китнера, кв. № 23.

Въ № 33-му предлагается: польская пѣсня, переложенная на фортепіано въ 2 руки. Братцеромъ.

Содержаніе: ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ (А. Г-ва). — Критическія замѣтки (его же). — Вѣсти отсюду. — Густавъ Рोजе. — Женни Линдъ. — Замѣтка на новую выходку Ростислава Феофиловича (М. Раппапорта).

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Спектакли съ 16-го августа.)

Съ открытіемъ, 16-го сего августа, спектаклей въ Александринскомъ Театрѣ, мы начинаемъ нашу театральную лѣтопись. Въ этотъ день дано было «Горе отъ ума». Мы хотимъ видѣть въ назначеніи этой пьесы не простую случайность, а уваженіе къ нашей драмѣ: комедія Грибоедова есть драгоценный и вѣчно-блестящій перлъ русской драматической литературы и назначеніемъ этой пьесы для открытія спектаклей выражается какъ уваженіе къ самому произведенію, такъ и сознаніе важности общественнаго значенія ея и современной потребности публики въ пьесахъ подобнаго рода.

Г. Григорьевъ 1-й исполнялъ роль Фамусова; по игрѣ, Фамусовъ—Григорьевъ очень похожъ на тѣхъ водеvilныхъ дядюшекъ, роли которыхъ такъ прекрасно исполняетъ г. Григорьевъ; г-жа Ѳедорова исполняла роль Софьи Павловны. Мы не разъ уже говорили объ особенностяхъ таланта г-жи Ѳедорской, о ея тактѣ и вкусѣ; но всего этого мало для выполнения настоящей роли: здѣсь нужна типичность, которой

№ 33.

и недостаетъ вообще у этой артистки; игра ея безукоризненна хороша тамъ, гдѣ передаваемое ею дѣйствующее лице не носитъ на себѣ *особеннаго отпечатка* времени и мѣста, а имѣетъ болѣе значеніе абсолютности и космополитизма.

Художественное выполненіе роли Чацкаго г-мъ Максимовымъ и роли Репетлова г-мъ Соснишкимъ слишкомъ уже извѣстно и давно оцѣнено; намъ остается сказать нѣсколько словъ объ игрѣ г. Шемаева въ роли Молчалина; роль эта требуетъ, чтобы жестикація, мимика и интонація, выражающія личность Молчалина, были строго выдерживаемы отъ начала до конца пьесы; г. Шемаевъ, вполнѣ понимая передаваемый имъ характеръ, былъ вѣренъ своей роли въ каждомъ малѣйшемъ тѣлодвиженіи, въ каждомъ словѣ, въ каждой минѣ. По нашему мнѣнію, все богатство таланта г. Шемаева именно и заключается въ томъ, что у него никогда не бываетъ простаго чтенія роли, а во всемъ видна игра; въ этомъ мы видимъ признакъ поэтическаго творчества, одинаково необходимаго актеру, какъ и всякому другому художнику. Г. Шемаевъ всегда создаетъ роль и въ исполненіи ея остается вѣренъ своему идеалу. Правда, что иногда созданія его выходятъ слабы, блѣдны, въ нихъ недостаетъ силы и рельефности; такъ напримѣръ личность Молчалина переданная г. Шемаевымъ совершенно вѣрно идеѣ творца комедіи, выражала эту идею слабо, однимъ словомъ виднѣсь былъ вѣрный эскизъ, но недоставало выпуклости и яркости фигуры.

Исполненіе роли Загорѣцкаго г-мъ Яблочкинмъ состояло изъ ряда такихъ фарсовъ, которые, не только въ «Горе отъ ума», но даже во всякомъ водевилѣ были бы излишни.

Второй пьесой, данной 16-го августа, былъ оригинальный водевилъ «Ворона въ павлиньихъ перьяхъ», гдѣ г. Марковецкій и г-жа Линская веселили публику своей игрой, всегда необыкновенно живой и яркой; а г-жа Леонова прекрасно пѣла русскія пѣсни.

Театръ былъ полонъ. Комедія Грибоедова, повторенная

на нашей сценѣ несчетное число разъ, продолжаетъ приводить самое живое и сильное впечатлѣніе. А звуки русскихъ пѣсенъ электризируютъ публику. И это бываетъ всегда, когда исполняются на сценѣ наши народные пѣсни. Въ добрый часъ!...

Спектакль 18-го августа составленъ былъ изъ пьесъ уже извѣстныхъ, именно: «Женихъ изъ долговаго отдѣленія», «Знакомые Незнакомцы», «Станціонный Смотритель», «Беззаботная» и «Дилетантъ 5 яруса». Въ первыхъ двухъ пьесахъ игралъ Мартыновъ, послѣ долгаго отсутствія. Публика не видала своего любимца съ окончанія зимняго сезона. — Въ пьесѣ «Станціонный Смотритель», по обыкновенію, восхищалъ своей игрой г. Самойловъ.

Театръ былъ совершенно полонъ. Публика восторженно привѣтствовала любимыхъ артистовъ; особенно Мартыновъ встрѣченъ былъ громкими и продолжительными рукоплесканиями.

Да и кому же, какъ не Мартынову пользоваться этими триумфами? Онъ первый комикъ междуизвѣстными современными комиками цѣлой Европы.

Съ нимъ не могутъ равняться ни фамезный комикъ театра Palais Royal, ни комикъ «Bouffes Parisiennes». Ни кто изъ нихъ не обладаетъ такой мимикой, какъ Мартыновъ, такимъ глубокимъ комизмомъ, какой мы видимъ у него въ высокой комедіи. Начиная отъ простой карикатуры или фарса до самыхъ высшихъ проявленій комизма въ жизни, все доступно нашему гениальному артисту. А сколько оригинальности и разнообразія въ творествѣ, съ какимъ онъ создаетъ свои роли. Есть ли хотя двѣ роли изъ его огромнаго репертуара, которыя были бы похожи одна на другую, не смотря на однородность представленныхъ личностей? Нѣтъ! Всѣ созданія его разнообразны, потому что творческая сила его таланта, а также и средства, неисчерпаемо богаты. Мартыновъ—одинъ въ Россіи, одинъ въ Европѣ.

Въ среду, 19-го августа, дана была въ первый разъ «Соперница» драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. А. Б. (автора драмы «Честность»). Въ нашей сценической литературѣ, оригинальная четырехъ-актная драма составляетъ рѣдкое явленіе и потому мы обязываемся дать сколько возможно подробный разборъ самой пьесы и сказать объ ея исполненіи.

Юрій Алексѣевичъ Рамировъ, художникъ (а по автору—живописецъ), занимающійся исторической живописью, смотритъ на свое искусство съ самой возвышенной точки зрѣнія, т. е. недопускаетъ, что художникъ долженъ имѣть одну цѣль—деньги и трудиться для того лишь, чтобы выгодно сбывать свои произведенія, угождая вкусу большинства; напротивъ онъ ищетъ сочувствія и оцѣнки своихъ твореній только у людей истинно-понимающихъ дѣло. Онъ вполнѣ преданъ искусству, такъ что для него пожертвовалъ потребностью своего сердца—женится не на женщинѣ, которую любилъ и, которая была бѣдна, а на женщинѣ не любимой имъ, но имѣющей состояніе, которымъ онъ надѣялся обезпечить возможность трудиться, не заботясь объ удовлетвореніи матеріальныхъ потребностей жизни. Но Рамировъ крайне обманулся въ своихъ расчетахъ: жена его, Александра Николаевна (г-жа Федорова), полагающая все счастье жизни въ экипажахъ, кружевахъ, балахъ и т. п., скоро прожила состояніе, которое имѣла, и требуетъ удовлетворенія своихъ раззорительныхъ потребностей отъ мужа. Она безпрестанно оскорбляетъ его за то, что онъ, при своихъ понятіяхъ объ искусствѣ, мало добываетъ денегъ, и поставляетъ ему въ при-

мѣръ другого художника, который нажилъ себѣ помѣстье и снабжаетъ свою жену валисъенскими кружевами шириною въ аршинъ; она укоряетъ его, что онъ не достаточно доставляетъ ей развлеченій, мало выѣзжая на балы, отъ чего страдаетъ ея здоровье, болитъ грудь и нервы находятся постоянно въ раздраженномъ состояніи. Она страшно скучаетъ; неудовлетворенное тщеславіе и ненависть къ мужу возбуждаютъ между ними сцены самаго непріязненнаго свойства. Кромѣ того она знаетъ прежнюю его привязанность къ Маріи Германъ, учительницѣ музыки (г-жа Жулева) и оскорбляетъ его, порицая эту женщину, какъ свою соперницу, которой она предпочтена, потому что одна женская фигура на картинѣ, которую пишетъ Рамировъ, имѣетъ сходство съ Маріей Германъ. Онъ, дѣйствительно, подъ влияніемъ пытки нравственныхъ мученій, которыя естественны при такихъ отношеніяхъ его къ женѣ, часто вспоминаетъ Марію Германъ, оцѣпляетъ ея любовь и горько раскаивается въ томъ, что завлекся своими расчетами. Кромѣ обоюдной непріязни между Рамировымъ и его женою, кромѣ различія ихъ воззрѣній на жизнь и стремленій, онъ оскорбленъ въ самыхъ пѣжныхъ, чувствительныхъ струнахъ своего сердца—высокой любви его къ искусству и привязанности къ достойной и любящей женщинѣ.

Жестокость и безысходность этихъ страданій занимаютъ самое сильное мѣсто въ пьесѣ; о томъ, что сдѣлалъ авторъ для того, что бы выразить это положеніе, мы скажемъ послѣ, а объ игрѣ г. Самойлова замѣтимъ, что въ ней не было достаточно горячности чувства, тогда какъ по идеѣ положеніе Рамирова должно быть выражено жгучими страданіями.

Жена Рамирова, кромѣ того, что сказано уже о ея свойствахъ,—самая холодная и безправственная кокетка: безъ малѣйшаго чувства и увлеченія она готова на связь съ знакомымъ Рамирова, Левинымъ, дюжиннымъ петербургскимъ волокитой, (г. М. Максимовъ) и назначаетъ ему свиданье въ маскарадѣ, посредствомъ записки, которую Левинъ роняетъ на полъ, незамѣчая этого.

Дядя Рамировой, старикъ (г. Григорьевъ) одинъ изъ тѣхъ добрыхъ и простыхъ дядей, которые такъ часто являются на сценѣ, хотя чрезвычайно рѣдки въ дѣйствительности,—имѣетъ очень хорошее мнѣніе о своей племянницѣ и, замѣтивъ случайно, что она отдала Левиному записку, едва вѣривъ этому, начинаетъ сомнѣваться въ нравственности Рамировой и сожалѣетъ о судьбѣ ея мужа; однимъ словомъ дѣлаетъ все то, что подобаетъ доброму дядѣ, изготовленному для сцены. Дядя этотъ, очень любитъ Рамирова, но также не соглашается съ его взглядомъ на искусство, находя этотъ взглядъ и вообще понятія Рамирова о жизни, слишкомъ идеальными. Онъ говоритъ, между прочимъ, что «время искусства для искусства давно прошло.»

Есть только одно существо, соглашающееся во всемъ съ Рамировымъ—это его племянница, Маня (г-жа Подобѣдова 2-я), молодая дѣвушка съ самымъ теплымъ непорочнымъ сердцемъ; она сочувствуетъ во всемъ Рамирову и утѣшаетъ его въ горькія минуты.

Маріи Германъ нашла средство познакомиться съ Маней и просила, чтобы она провела ее въ мастерскую Рамирова, когда тамъ никого не будетъ, чтобы взглянуть на труды любимаго человѣка. Но Рамировъ былъ въ сосѣдней комнатѣ и, когда Маня вышла изъ мастерской, чтобы принести свой альбомъ, а Марія осталась одна, Рамировъ входитъ въ свою мастерскую. Онъ пораженъ тѣмъ, что такъ неожиданно ви-

дить женщину, которую любить и о которой постоянно мечтает, подъ влияніемъ своихъ несчастій; онъ высказываетъ ей свое положеніе, свою любовь къ ней и убѣждаетъ ее ѣхать куда нибудь съ нимъ вмѣстѣ. Марія Германъ доказываетъ ему необдуманность этого желанія, напоминаетъ Рамирову о его обязанностяхъ мужа и отца дѣтей. Рамировъ говоритъ, что дѣтей они возмуть съ собой. Объясненіе ихъ еще не окончилось, какъ Маня стучитъ въ дверь. Марія убѣждаетъ Рамирова немедленно удалиться, а когда онъ уходитъ, она поднимаетъ съ полу записку Рамировой, потерянную Левинымъ. Убѣждаясь, что Рамирова не любитъ мужа и обманываетъ его, Марія Германъ болѣе не жалѣетъ своей соперницы готова согласиться ѣхать съ Рамировымъ. Тѣмъ кончается и первое дѣйствіе.

Второе дѣйствіе происходитъ въ маскарадѣ, гдѣ являются всѣ дѣйствующія лица комедіи, кромѣ Мани.

Рамировъ, услышавъ изъ разговора двухъ молодыхъ людей, что жена его въ маскарадѣ съ Левинымъ, отыскиваетъ ее по букету бѣлыхъ ландышей; между тѣмъ добрый дядя, Стариинъ, узнаетъ Марію Германъ и, подозрѣвая, что она имѣетъ намѣреніе видѣться съ Рамировымъ и нарушить счастье его семейной жизни, убѣждаетъ ее оставить это преступное желаніе. Но Марія Германъ доказываетъ запиской, которую имѣетъ въ рукахъ, что Рамирова безразличная женщина и что ее сожалѣть не слѣдуетъ. Но дядя остается вѣренъ своему назначенію добраго дяди и убѣждаетъ Марію Германъ, чтобы она спасла Рамирову отъ подозрѣній мужа. Показывается, наконецъ, Рамирова, съ букетомъ ландышей, подъ руку съ Левинымъ. Марія подходитъ къ ней, предупреждаетъ, что мужъ преслѣдуетъ ее здѣсь въ маскарадѣ и чтобы спастись отъ его подозрѣній, нужно немедленно отправиться домой, а букетъ отдать Маріи. Рамирова исчезаетъ, а на ея мѣсто садится Германъ и бесѣдуетъ съ Левинымъ. Является Рамировъ и обращается къ маскѣ, въ которой подозрѣваетъ свою жену; требуетъ, чтобы она повиновалась его требованію ѣхать сей часъ же изъ маскарада. Маска возражаетъ ему тѣмъ, что онъ не имѣетъ права ей приказывать и открываетъ свое лицо. Рамировъ узнаетъ Марію, прокликаетъ ее, какъ измѣнницу, и тѣмъ оканчивается второе дѣйствіе. Послѣдній моментъ увлекательно переданъ былъ г. Самойловымъ.

За тѣмъ драма переселяется за границу, въ Баденъ-Баденъ. Душевные страданія сломили здоровье Рамирова, нервы его сильно разстроены, онъ раздражителенъ, умъ его не нормаленъ, зрѣніе потеряно. Но жена его ѣхала въ Парижъ освѣжиться, оставивъ больнаго мужа на попеченіе племянницы, Мани. Рамировъ страдаетъ уже не столько отъ своего семейнаго несчастія, сколько отъ измѣны женщины, которую, любилъ такъ долго и которая обманула его, посмѣялась надъ его любовью. Мизантропія, отвращеніе къ жизни являются слѣдствіями душевныхъ страданій Рамирова. Все это затрудняетъ облегченіе его болѣзни.

Между тѣмъ является въ Баденъ Гринева, пріятель Рамирова, влюбленный въ его племянницу Маню, открываетъ ей въ любви и предлагаетъ сердце и руку, но получаетъ отказъ, потому что Маня рѣшилась никогда не оставлять своего больнаго дяди. Бесѣда съ Гриневымъ напомнила Рамирову всѣ его несчастія, отъ чего болѣзнь его усиливается. Докторъ, который лечитъ Рамирова (г. Чернышевъ) предлагаетъ попробовать леченіе музыкой, увѣряя что разстроенныя нервы часто поправляются отъ такого рода леченія и совѣ-

туетъ воспользоваться предложеніемъ одной русской дамы, которая, изъ участія къ больному, желала бы играть для него на фортепiano, но съ тѣмъ, чтобы ему не говорили, что она русская. Маня и самъ больной соглашаются на леченіе музыкой. Является Марія Германъ. Она требуетъ отъ Мани увѣрить Рамирова, что она баденская нѣмка и ни слова не говоритъ по-русски, и начинаетъ играть. Музыка успокоиваетъ нервы больнаго, тревожное, раздражительное состояніе его духа смѣняется на грустное, но покойное; онъ начинаетъ плакать. Марія Германъ давно не видѣла Рамирова, его страдальческій видъ производитъ на нея сильное впечатлѣніе, такъ что она прерываетъ игру, но больной требуетъ, чтобы играли; она дѣлаетъ надъ собой усиліе, и музыка продолжается. Въ это время слуга подаетъ депешу изъ Парижа, въ которой извѣщаютъ, что на брюссельской желѣзной дорогѣ встрѣтились два поѣзда, отъ чего погибло нѣсколько пассажировъ и въ томъ числѣ одна русская дама, г-жа Рамирова. Марія Германъ, пораженная этой вѣстью, вскрикиваетъ, Рамировъ узнаетъ ея голосъ и въ ту же минуту исчезаетъ его спокойствіе; ненависть и негодованіе къ этой женщинѣ приводятъ его въ бѣшенство и припадки болѣзни возвращаются.

Во всемъ этомъ дѣйствіи роль Рамирова требовала выраженія физическаго страданія и сильнаго моральнаго недуга. Г. Самойловъ передалъ всѣ оттѣнки этого состоянія, съ художественностью, свойственной его таланту. Роль г-жи Жулевой была такова, что она должна была выразить чувство одной мимикой, что и было исполнено артистически.

Четвертое дѣйствіе драмы заключается въ слѣдующемъ: Гринева намѣренъ сообщить Рамирову о смерти его жены и помирить его съ Маріей Германъ, доказавъ, что она не была измѣнницей, а приняла на себя проступокъ жены его, чтобы спасти ея отъ несчастія. Такъ какъ извѣстія эти были радостны, то докторъ позволилъ сообщить ихъ больному, приготовивъ его къ тому постепенно. Когда окончено было все объясненіе, вошла Марія Германъ. Моментъ этого свиданія переданъ былъ г. Самойловымъ и г-жей Жулевой увлекательно. Послѣ первыхъ восторговъ, Рамировъ отдался тихой радости и надеждамъ, что онъ теперь будетъ не одинъ въ жизни. Въ это время является съ пледомъ на рукѣ Рамирова. Она отдавала свой паспортъ другой дамѣ, которой нужно было прѣхать подъ чужимъ именемъ; дама эта и погибла во время несчастія на желѣзной дорогѣ; такимъ образомъ депеша сообщила о смерти Рамировой невѣрно. Больной не вынесъ этого неожиданнаго возвращенія своей жены—аневризмъ въ сердцѣ окончилъ его страданія.

Роль жены Рамирова, по идеѣ автора, выражаетъ женщину безсердечную, пустую, тщеславную и при томъ холодную кокетку; г-жа Оедорова исполнила эту роль не подражаемо хорошо и вѣрно идеѣ автора. Не смотря на то, что роль эта не заключала въ себѣ ни патетическихъ мѣстъ, ни комическихъ положеній, которыя всегда вызываютъ обильныя рукоплесканья, игра г-жи Оедоровой оцѣнена была публикой.

Роль Мани тоже принадлежитъ къ числу первыхъ ролей драмы и исполнена была г-жею Подобѣдовой 2 просто, естественно, безъ малѣйшей аффектаціи, что и требовалось для того, чтобы вѣрно передать личность молоденькой, наивной дѣвушки съ добрымъ и любящимъ сердцемъ.

Критическій разборъ самой пьесы мы оставляемъ до слѣдующаго номера.

Другіе двѣ піесы, данныя 19 августа были: «Покойникъ мужъ и его вдова» комедія водевилъ въ одномъ дѣйствіи и «Не бывать бы счастью, да несчастье помогло» оперетка въ одномъ дѣйствіи.

На Большомъ Театрѣ даны были: въ понедѣльникъ «Фелла», а въ четвергъ «Марта»; въ числѣ исполнителей были г-жи Булохова и Латышева и гг. Петровъ и Сѣтовъ. Кромѣ того исполненъ былъ комическій балетъ «Мельники».

Наши русскіе пѣвцы, въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ привлекали публику прекраснымъ исполненіемъ оперы «Риголетто». «Марта» исполняется не менѣе прекрасно. Отъ чего же замолкла наша русская опера, если есть хорошіе исполнители? Мы не думаемъ, чтобы публика наша менѣе сочувствовала русской музыкѣ и русской оперѣ, чѣмъ чужимъ произведеніямъ, исполняемымъ своими пѣвцами.

Б. Г-ВЪ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Двѣ жены». Сцены г. С. Ѳедорова. (Современ. № 7).

Драматическіе этюды довольно часто начали появляться въ нашей литературѣ; къ числу ихъ принадлежитъ и названная нами піеса. Не думаемъ, чтобы можно было радоваться такому обилію этихъ незрѣлыхъ скороспѣлокъ. Появленіе ихъ, и притомъ почти исключительное появленіе, обличаетъ крайнюю несостоятельность нашей драматической литературы. Въ теченіи настоящаго года мы имѣли нѣсколько серьезныхъ и художественно выполненныхъ романовъ, повѣстей; публицистика и ученая литература была еще богаче—относительно; но драма и комедія наша измелчали до степени сценъ и—еще одна особенность—онѣ какъ-будто посвящены только изображенію начальниковъ губерній и другихъ лицъ губернской администраціи. Мы ничего не говоримъ противъ этого матеріала и даже оставляемъ совершенно въ сторонѣ замѣченное нами большое сходство между лицами начальниковъ губерній, встречаемыми въ цѣломъ рядѣ тѣхъ сценъ, о которыхъ шла рѣчь въ нашихъ «критическихъ замѣткахъ» за прошедшій годъ. Напротивъ, мы находимъ, что для нашей комедіи едва ли есть матеріалъ болѣе богатый относительно комизма и юмора; но чѣмъ важнѣе и разнообразнѣе матеріалъ, тѣмъ болѣе онъ требуетъ обработки, творчества, поэтому одни этюды нисколько не удовлетворяютъ потребности; провинціальное общество наше въ нравственномъ и социальномъ отношеніи исполнено разнообразія, оригинальности, типичности и потому всякій этюдъ, или сцены, имѣющія цѣлю выставить только личности начальниковъ губерній, можетъ быть, и оригинальныя, мы находимъ крайне недостаточными; а въ особенности, когда и художественная сторона этихъ произведеній слаба.

Мы не будемъ подробно передавать содержанія піесы и очерчивать дѣйствующихъ лицъ, которыхъ очень много, но ограничимся тѣмъ, что относится собственно до двухъ женъ, выставленныхъ въ «сценахъ». Одна изъ нихъ—Паровозова, фаворитка князя, занимающаго видное мѣсто въ губерніи, охарактеризована авторомъ такъ: «Жоржъ Зандъ, передѣланный на русскіе провинціальныя нравы». Что нашелъ авторъ

общаго между Жоржъ Зандъ и своей героиней, рѣшительно непонятно. Паровозова — женщина въ высшей степени безнравственная, нелюбящая своего мужа, почти цинически торгующая собой и отзывающаяся о провинціальномъ обществѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Здѣсь не умѣютъ оправдать проступка женщины странностью ея натуры. Провинція еще не доросла до такихъ пониманій»... Жоржъ Зандъ, напротивъ, извѣстна какъ женщина высокаго ума, сердца исполненнаго любви и самоотверженія; жизнь ея была далека отъ всякихъ упрековъ, корысти и другіе подобныя пороки были ей совершенно чужды, и она не искала вовсе никакихъ оправданій своихъ поступковъ. На какіе угодно нравы можно перекладывать Жоржъ Зандъ и никогда изъ этого не выйдетъ личности, подобной Паровозовой. Если же сама Паровозова находить, что она похожа на Жоржъ Зандъ, то зачѣмъ же авторъ ничѣмъ не уяснилъ этого и далъ поводъ сдѣлать ему справедливый упрекъ за произвольное искаженіе характера женщины, такъ высоко поставленной въ общественномъ мнѣніи Европы. Паровозова повторяетъ нѣсколько продѣлокъ, похожихъ одна на другую и имѣющихъ одну цѣль—поживиться чужимъ добромъ. Было бы достаточно вывести какую-нибудь одну изъ этихъ продѣлокъ, чтобы очертить тиселавный, пустой и корыстный характеръ Паровозовой и, конечно, еслибъ комизмъ сосредоточенъ былъ на этомъ мѣстѣ «сценъ», то произведеніе отъ того нисколько бы не потеряло.

Другая жена — Боберкина совершенно другаго свойства: она предпочитаетъ домашнюю жизнь, хотя тоже не любитъ мужа, а влюблена изъ-подтишка и безкорыстно въ одного молодого человѣка; отличительная черта Боберкиной есть та, что она несмотря на убѣжденіе своего мужа кокетничать съ чиновникомъ, имѣющимъ вліяніе на его службу, не дѣлаетъ этого.

«Сцены» г. Ѳедорова могли быть названы «Два мужа», «Два чиновника», «Двѣ вдовы», и т. п. и каждое изъ этихъ названій было бы одинаково прилично и соответствовало бы содержанію. Дѣйствіе въ нихъ ни начесть не сосредоточено, лица (исключая прислуги) тоже все одинаково активны.

Одно достоинство этюда г. Ѳедорова — это фотографическая точность и вѣрность сценъ, взятыхъ имъ изъ нашей провинціальной жизни. Фотографія сдѣлала большіе успѣхи, она перешла и въ нашу литературу. Трудиться надъ портретомъ, надъ пейзажемъ, надъ группой, надъ сценой теперь не нужно: стоитъ только все это схватить въ камер-обскуру, — и картина готова. Художники, которые вѣроятно не имѣли достаточно таланта сдѣлаться истинными художниками — творцами, поэтами — обратились къ фотографическому искусству, и драматическая литература наша, кажется, пошла по этой же дорогѣ.

Вся безнравственность — во имя нравственности, весь цинизмъ — во имя современности и цивилизаціи, все зло, прикрытое маскою добродѣтели, вся пустота и мелочь, посвящая личную высшихъ интересовъ жизни, однимъ словомъ все, чѣмъ живетъ наше коренное провинціальное общество высшаго слоя, послужило матеріаломъ для автора «сценъ» и, надо отдать справедливость, онъ многое схватилъ вѣрно и въ рѣзкихъ чертахъ.

Беремъ нѣсколько отрывковъ, чтобы подтвердить сказанное нами о піесѣ г. Ѳедорова.

Кокушкина, по опредѣленію автора, губернская женщина-амфибія, въ разговорѣ съ Паровозовой о мужчинахъ, говорить:

«Не много толку въ этихъ поэтахъ! сначала они какъ-будто и ничего: и о поэзии, и о любви къ женщинѣ говорить; а какъ дойдетъ до дѣла, такъ и пасть! Соловья баснями не кормятъ (*хочетъ*) да и надѣяться нечего: всѣ эти поэты... какіе-то субтильные, кости, да кожа. — Нѣтъ, признаюсь, я люблю больше военныхъ, особливо кирасировъ, — прелесть! шарме!

Паровозова въ свою очередь говорить: «Не нравятся мнѣ эти господа! (провинціальныя франты) какъ они не похожи на тѣхъ мужчинъ, которыхъ я встрѣчала у графини Анастаси! Графиня Анастаси близкая моя родственница. Сколько жизни, сколько молодости было въ нихъ! А эти чудные афинскіе вечера... живыя картины изъ мифологіи! Анастаси иногда стихи свои читала. Конечно для такихъ случаевъ она выбирала самые... (*прибавилъ выраженіе*) самые сильныя... печатать ихъ никогда не рѣшалась, хоть мы и очень просили... Чудное было время, а здѣсь — фи!»

Хороша Жоржъ Западъ! прибавимъ мы.

Самымъ живымъ мѣстомъ, по нашему мнѣнію, есть бѣда Паровозовой съ отставнымъ чиновникомъ Козликовымъ, просящимъ оказать протекцію его сыну, который, по опредѣленію автора, «то, что называется *малый-дрянь*».

«Не оставьте своею милостію, говоритъ Козликовъ. Лестно ему (сыну) аристократическія общества посѣщать. Вотъ ужъ пятый денекъ будетъ: проходу онъ мнѣ не даетъ. — Предоставьте, говоритъ, папенька мнѣ протекцію. Я черезъ это княжескую милость заслужу и карьеру себѣ сдѣлаю». — Что прикажете дѣлать: своя плоть — грѣхъ не побаловать, не оставьте! (*видя что Паровозова молчитъ*). Вамъ, можетъ, конфузно кажется, что въ свое деликатное общество его примете. Смѣю завѣрить, — не то, чтобы какъ отецъ, а по божески смѣю завѣрить: — онъ у меня по модному воспитанъ, не осрамить себя. Другіе офицеры, точно, есть такіе, что больше одиночествомъ занимаются, или съ лягавой собакой больше удовольствія находятъ, чѣмъ съ благородными дамами. Онъ у меня не такой-съ! Всѣ эти полечки, кадрили англійскія, какъ слѣдуетъ образованному человѣку, отчетливо исполняетъ. По-французски тоже мало-мало маракуетъ; даже стишками отъ скуки занимается. — Онъ у меня на это изобрѣтательный, ей-Богу-съ! Одно слово, — какъ слѣдуетъ быть офицеру».

Этотъ *малый-дрянь* былъ представленъ Паровозовой, за что отецъ его далъ ей взаймы денегъ. Молодой Козликовъ началъ посѣщать Паровозову и одинъ разъ, вечеромъ, въ полномъ собраніи губернскаго аристократическаго ареопага, пустился между прочимъ въ слѣдующіе разговоры. «Осмѣливаюсь сказать, женщина, которая не дорожитъ своей репутаціей, должна потерять благосклонность публики». Съ чѣмъ и согласились всѣ присутствовавшіе къ великому удовольствію молодаго человѣка.

А. Г.—ВѢ.

ВѢСТИ ОТВСЮДУ.

Празднество 22-го Іюля въ Гапсаль. — Городскія извѣстія. — Парижскія новости. — Театральная дѣятельность. — Зина Ришаръ. — Марио и Роже. — Странныя нѣкоторые артистовъ. — Парижскіе театры. — Дама-теноръ. — Дюма и Верди. — Графъ Сологубъ въ Баденѣ. — «Сицилійскія Вечерни» въ Лондонѣ. — Разныя лондонскія новости. — Баритонъ Жиральдонн. — Механическій столъ.

Давно уже мы ничего не писали о нашихъ остзейскихъ городахъ, въ которыхъ, какъ и вездѣ, въ лѣтнюю пору театральная и музыкальная дѣятельность приостанавливается. Въ

Ригѣ спектакли перешли изъ душевой залы въ зеленъ; рижскіе актеры и пѣвцы играютъ и поютъ на земляной сценѣ, окруженной зеленью и цвѣтами.

Наканунѣ Тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Александровны, рижское музыкальное общество, извѣстное подъ пменемъ: «Liederkrantz», отправилось на пароходѣ «Адмиралъ» съ музыкой и развѣвающимися знаменами въ Гапсаль, гдѣ находились въ то время Ихъ Величества. Къ 60 членамъ *Лидеркранца* присоединилось 40 человѣкъ рижскихъ жителей, желавшихъ привѣтствовать царскую семью и вмѣстѣ отпраздновать этотъ драгоцѣнный день для всей Россіи.

Итакъ 22-го іюля, въ 10 часовъ утра, члены *Лидеркранца* собрались въ саду графини Делагарди, въ замкѣ которой оставались Ихъ Величества, и встрѣтили Государя и Государыню по возвращеніи ихъ изъ церкви нарочно на этотъ случай сочиненнымъ хоромъ, слова котораго напечатаны въ богатомъ альбомѣ и поднесены Императрицѣ. По окончаніи пѣнія, Ихъ Величества удостоили нѣсколькими милостивыми словами главныхъ членовъ общества. Вечеромъ общество *Лидеркранца* расположилось въ богато-убранной палаткѣ около гапсальскихъ руинъ, гдѣ назначенъ былъ фейерверкъ; тутъ же находилась и царская палатка. Когда Ихъ Величества расположились въ палаткѣ, общество *Лидеркранца* исполнило нѣсколько нумеровъ пѣнія и по желанію Императрицы нѣкоторые отрывки изъ «Loreley». По желанію Государя Наслѣдника общество пропѣло нѣсколько нѣмецкихъ пѣсенъ и въ заключеніе военную пѣсню: «Das Schwertlied», Кёрнера. Затѣмъ послѣдовалъ великолѣпный фейерверкъ, окончившійся гимномъ: «Боже, Царя храни!»... Такъ окончился этотъ торжественный день, который останется навсегда въ памяти жителей Риги и Гапсаля.

Къ ожидаемымъ 8 и 9 сентября празднествамъ, какъ слышно, ставится балетъ «Жовита», въ которомъ будетъ дебютировать г-жа Розатти. Первые дебюты оперныхъ пѣвцовъ также будутъ совпадать съ ожидаемыми празднествами.

Не смотря на то, что наше лѣто уже на исходѣ, испанскія афиши не перестаютъ извѣщать насъ о загородныхъ гуляньяхъ, воздушныхъ полетахъ съ домомъ, поваромъ, трубо-чистомъ и т. д., садовыхъ концертахъ инструментальныхъ и вокальныхъ, съ пѣвцами: русскими, тирольскими, еврейскими, цыганскими. Непостижимый Ив. Ив. Излеръ изобрѣтаетъ всѣ возможныя затѣи, лишь бы угодить публикѣ. Совершенный г. Бергомъ съ Monde Brilliant въ прошедшую субботу воздушный полетъ съ домомъ и проч. привлекъ много публики и совершился великолѣпно и благополучно. Шаръ спустился около пороховыхъ заводовъ. Крестьянскіе мальчички изъ Полуострова, а также другіе постоянные и перелетные обыватели окрестностей Петербурга, цѣлой толпой отправлялись помогать воздухоплавателямъ спуститься на землю.

Парижане, обыкновенно оставляющіе на все лѣто, Парижъ толпами съѣхались къ 15-му августа. Однако театры отъ этого не много выиграли; въ день именинъ императора Французовъ были вездѣ даровые спектакли, а черезъ два дня послѣ празднествъ, Парижане, вѣчно жаждущіе удовольствій, снова разѣхались кто въ свои замки, кто къ морскимъ купальнямъ, кто въ Баденъ, къ неутомимому Беназе, привлекающему толпы своимъ балами, концертами, а еще болѣе соблазнительной рулеткой. Но театры не отчаиваются, зная, что недѣли черезъ три вѣтренные Парижане возвратятся къ своимъ пенатамъ и потребуютъ новостей, во что

бы-то ни стало новостей, а ихъ будетъ не мало нынѣшнюю зиму и даже осенью.

Для начала, Большая Опера занимается постановкой большой оперы князя Понятовскаго, но прежде намѣрена дать произведеніе одной знатной дамы виконтессы де Гранваль, которая уже выказала свои драматическія вдохновенія на вечерахъ у парижскаго префекта. Кромѣ того, какъ мы извѣщали уже предполагаютъ поставить оперу герцога Кобургскаго: «Діану де Соланжъ».

Наша соотечественница Зина Ришаръ возвратилась изъ Лондона въ Парижъ и появилась, въ первый разъ, въ дивертисментѣ «Вильгельма Теля», въ увлекательной Тироліенѣ. Парижане встрѣтили танцовщицу шумными рукоплесканіями какъ свою любимицу.

Директоръ Италіанской Оперы въ Парижѣ, Кальцадо, лишается на нынѣшній сезонъ, увлекательнаго Маріо. Знаменитый теноръ ангажированъ въ Мадридѣ вмѣстѣ съ Гризи, Ронкони и Ровере. Говорятъ даже, что онъ сдѣлался импрессарио Королевской Мадридской Оперы.

Заговоривъ о тенорахъ, нельзя не вспомнить Роже, котораго также не увидитъ сцена Италіанской Оперы, куда онъ намѣревался перейти изъ Большой Оперы. Роже замѣтно поправляется и недавно принималъ нѣкоторыхъ своихъ друзей. Правительство собирается упрочить состояніе отличнаго артиста, ревностно служившаго своему искусству въ продолженіи 20 лѣтъ. Альбони также оставляетъ италіанскую труппу и на мѣсто ея ангажирована, какъ мы уже писали, г-жа Борги-Мамо.

Ни одна артистка такъ пламенно не желала освободиться отъ поклоненія французскимъ и нѣмецкимъ маэстро на сценѣ Большой Оперы и перейти къ италіанскимъ, какъ г-жа Борги-Мамо. Какъ школьникъ, съ петербургскимъ ожидающимъ каблукомъ, она не могла дожидаться окончанія своего контракта. Часто со вздохомъ повторяла она за кулисами: «Еще много представленій остается до моего избавленія»:—Чтобы утѣшиться, пѣвица удваивала приемы сахарной воды, лакрицы и табаку. Да, страстная Леонора, фаворитка короля, мстительная Мелюзина, собираясь съ своимъ Фернандомъ искать другое отечество, или преслѣдовать своего Рене, всегда нюхаетъ табакъ за кулисами. Подобными странностями одарены многіе извѣстные артисты; такъ знаменитый Фредерикъ Леметръ не рѣшается явиться на сценѣ, не выпивъ двѣ бутылки бордо; одна извѣстная парижская артистка передъ выходомъ на сцену глотаетъ шоколадныя лепешечки для возбужденія страсти въ игрѣ. Даже великій Тальма употреблялъ эти мелкія средства. Особенно въ роли Гамлета, когда онъ долженъ выбѣжать передъ публикой, преслѣдуемый привидѣніемъ, онъ хваталъ за воротъ своего лакея, произнося знаменитое возваніе Гамлета къ призраку и потомъ съ силою, оттолкнувъ бѣднаго слугу, и возбужденный этимъ движеніемъ съ лихорадочнымъ трепетомъ выбѣгалъ на сцену.

Комическая Опера также готовитъ не мало новостей; между прочимъ новое произведеніе неразлучныхъ друзей Скриба и Обера: «Фоблазъ». Главную роль займетъ теноръ Монтобри.

Изъ новыхъ оперъ даны недавно: «Le Rosier», послужившая дебютомъ Амбруазу и г-жѣ Гверртъ, и «Le Voyage autour de ma chambre». Музыка первой написана Потье, учителемъ молоденькой дебютантки, г-жи Гверры. Новая пѣвица очень хорошенькая блондинка, съ свѣжимъ голосомъ, который однако не разъ фальшивилъ, вѣроятно отъ страха

неизбѣжнаго при первомъ дебютѣ. Амбруазъ—актеръ театра Variétés, обладающій приятнымъ баритономъ, захотѣлъ употребить его не для однихъ куплетовъ. Онъ—хорошее приобретеніе для Комической Оперы. «Le Voyage autour de ma chambre»—веселая оперетка съ игривой музыкой Гризара и остроумнымъ либретто Дювера и Лозанна.

Вѣчно юная Дежазе откупила театръ les Folies Nouvelles и намѣрена давать тамъ представленія съ новой труппой. Говорятъ, что знаменитая артистка, чтобы удобнѣе распоряжаться театральными дѣлами, подала просьбу префекту полиціи, о дозволеніи ей носить мужское платье впредъ сцены.

На театрѣ Гимназіи явилась мрачная драма, которая была бы очень мила, еслибъ Скрибъ сдѣлалъ изъ нея водевиль, подобно тому, какъ онъ поступилъ съ исторіей *Дивницы отшельницы*. *Бригадиръ Фейерштейнъ*, такъ называется драма г. Котине, настоящая бульварная мелодрама, съ пистолетными выстрѣлами, обезчещенными женщинами и прочими ужасами, весьма неумѣстными на сценѣ Гимназіи, извѣстной своими изящными комедіями. Бригадиръ Фейерштейнъ, распутный пьяница, обезчестилъ графиню Неймаркъ; у нея родился сынъ, прирѣзанный какой-то маркитанткой и конечно не знающій своего происхожденія. Для большаго эффекта авторъ заставляетъ бригадира въ пьяномъ видѣ ударить саблей своего сына, произведеннаго уже въ офицеры. Бригадира приговариваютъ къ смерти, но сынъ узнавъ тайну своего рожденія, вымаливаетъ отцу прощеніе. Въ благодарность за это бригадиръ, чтобы не помѣшать жениться на знатной дѣвушкѣ, застрѣливается. — Вотъ все содержаніе этой пустой пьесы, которую поддерживаетъ талантливый актеръ Лесюеръ въ роли бригадира.

Недавно къ одному изъ парижскихъ фельетонистовъ явилась дама, назвавшая себя баронессой д'Энгель-Фиоруччи.—Дама обладаетъ довольно сильнымъ теноромъ и совершенно мужскими манерами. Она уже была у Кальцадо, директора Италіанской Оперы, но Кальцадо отказался принять ее. Не заставляя себя просить, новая пѣвица съ мужскимъ голосомъ, пропѣла передъ фельетонистомъ нѣсколько арій. Потомъ обратилась къ нему съ вопросомъ: отчего ее не хотятъ ангажировать, на италіанскую сцену, чтобы замѣнить Маріо и Тамберлика, «qui se font vieux», прибавила она.

— Если меня не принимаютъ только потому, что я не буду довольно ловка въ мужскомъ платьѣ, продолжала баронесса д'Энгель-Фиоруччи, потрудитесь разуверить клеветниковъ, рассказавъ имъ, что сами видѣли.

Сказавъ это дама-теноръ стала растегивать платье. Испуганный фельетонистъ цѣломудреннымъ жестомъ хотѣлъ удерживать ее, но баронесса всегда готовая къ оружію, какъ Іоанна д'Аркъ, показала только, что носила мужское платье подъ своимъ кринолиномъ.

— Если вы не можете ничего выпросить у директора Италіанскаго Театра, продолжала баронесса д'Энгель-Фиоруччи, представьте меня членамъ Академіи Наукъ. Вообразите, я нашла квадратуру круга! И какое несчастіе! Это открытіе вмѣсто того, чтобы доставить мнѣ извѣстность и выгоды, ввело меня въ издержки; мнѣ стоило сто франковъ напечатать въ газетахъ объявленіе о моемъ открытіи.

Фельетонистъ сталъ увѣрять баронессу, что не знакомъ ни съ членами Академіи, ни съ директорами театровъ.

— Вижу, вскричала мужественная пѣвица, мнѣ хотятъ помѣшать дебютировать, но парижская публика меня услышитъ. А между тѣмъ я не откажусь отъ чашки кофе.

Вскорѣ она оставила въ покоѣ несчастнаго фельетониста и отправилась пѣнять своимъ теноромъ какого-нибудь другаго писателя.

А. Дюма—отецъ снова пускается въ путь-дорогу; его пароходъ уже нѣсколько дней стоитъ въ Марсельской гавани, въ ожиданіи знаменитаго романиста. Занимаясь приготовленіями къ отъѣзду, неутомимый писатель между двумя романами и тремя новыми драмами, окончилъ піесу для Амбигю, которую г-жа Селеста Могадоръ, графиня Шабрильянъ, извлекла изъ его: «Voleurs d'or».

Верди пріѣхалъ недавно въ Парижъ изъ Туринна; носятся слухи, что онъ не намѣренъ болѣе писать новыхъ оперъ.— Не ручаемся однако за достовѣрность этого слуха.

Нашъ соотечественникъ, графъ Соллогубъ, находится теперь въ Баденѣ. Въ залахъ Беназе многія знатныя дамы, въ томъ числѣ и русскія, устроиваютъ благотворительный спектакль въ пользу баденскихъ жителей, пострадавшихъ отъ грозы, истребившей многія жилища. Для этого спектакля графъ Соллогубъ вмѣстѣ съ парижскимъ фельетонистомъ Полемъ д'Ивуа написалъ комедію.

Лондонскій сезонъ оконченъ; оба театра закрылись и группы ихъ разѣхались въ разныя стороны.

Послѣдняя опера, данная на Дрюриленскомъ театрѣ была «Сицилійскія вечерни», Верди. Опера эта, прошедшая довольно слабо въ первое представленіе, имѣла въ послѣдствіи большой успѣхъ. Вообще съ тѣхъ поръ какъ общее мнѣніе поставило Верди на первое мѣсто между современными композиторами, оперы его много выиграли въ Лондонѣ. Въ главныхъ роляхъ произвели фуроръ г-жа Титъенсъ и теноръ Монжини; однако, по мнѣнію большинства, г-жа Лотти превосходитъ вѣнскую пѣвицу въ роли Елены. Балетъ не произвелъ большого впечатлѣнія.

Скрипачъ Вѣнявскій женится на племянницѣ англійскаго піаниста Осборна, написавшаго вмѣстѣ съ К. Беріо много замѣчательныхъ музыкальных произведеній.

Женни Линдъ, жившая послѣднее время въ Лондонѣ, предприняла съ скрипачемъ Іоахимомъ артистическую поѣздку по Ирландіи.

Въ Лондонѣ поступила недавно въ продажу книга подъ заглавіемъ: «Жизнь и театральное поприще К. Кнна», знаменитаго англійскаго актера.

Извѣстная трагедія Брахмогеля «Нарциссъ»; имѣетъ по прежнему успѣхъ въ Вѣнѣ; главную роль Нарцисса переправляла на Вѣнской сценѣ всѣ извѣстные германскіе трагикки: Дависонъ, Деррингъ, Эмиль и Фридрихъ Девриентъ. Нынче въ этой роли явился пріѣзжій актеръ г. Фритше, но уступилъ въ игрѣ прежнимъ Нарциссамъ.

Извѣстно, что въ числѣ вновь ангажированныхъ артистовъ въ с. пестербургскую Италианскую Оперу, находится баритонъ Жиральдонн. Этотъ пѣвецъ—одинъ изъ лучшихъ современныхъ баритоновъ; для него собственно Верди написалъ главные роли въ своихъ операхъ: «Симонъ Бакканегра и Un Ballo in Maschera».

Въ заключеніе, сообщимъ читателямъ новость, которая вѣроятно, возбудитъ вниманіе всѣхъ занимающихся музыкой. На четвертой страницѣ Indépendance Belge, появилось слѣдующее объявленіе: «Продается механический письменный столъ, прекрасная мебель, равняющаяся силѣ 20 музыкантовъ; столъ этотъ играетъ всѣ желаемыя піесы, составленъ

изъ мѣдныхъ инструментовъ, барабана и треугольника и обладаетъ способностью произвольно сдерживать силу».

Объявленіе громкое и заманчивое, по возбуждающее нѣкоторое сомнѣніе. Какимъ образомъ напримѣръ, механическая мебель, равняйся она силѣ ста, даже тысячи музыкантовъ, можетъ играть всѣ желаемыя піесы? Эта машина должна быть настоящая музыкальная энциклопедія и знать болѣе чѣмъ всѣ вмѣстѣ собранные европейскіе виртуозы?!!

ГУСТАВЪ РОЖЕ.

Ни талантъ, ни доброе сердце, ни извѣстность, ни состояніе, нажитое честнымъ трудомъ, ни искренняя дружба, ни общее уваженіе не могутъ предохранить благороднаго человѣка отъ несчастія, если оно должно, въ такой-то день, въ такой-то часъ, поразить свою жертву.

За нѣсколько мѣсяцевъ до грустнаго событія, случившагося съ знаменитымъ теноромъ Роже, долженъ былъ окончиться его контрактъ съ Большой Оперой и носились слухи, что любимый пѣвецъ перейдетъ къ зпмѣ въ италіанскую труппу Парижа. Роже предполагалъ 1-го августа отправиться въ Баденъ и, проведя мѣсяцъ на водахъ, объѣхать главные города Германіи.

Но судьба рѣшила иначе; 27 іюля ужасная вѣсть, переданная по телеграфу, поразила Парижанъ. Превосходный пѣвецъ, добрый, благородный артистъ, остроумный Роже лишился правой руки!

Ожидая въ этотъ день къ обѣду нѣсколько друзей въ своемъ Лаландѣ, Роже отправился рано утромъ прогуляться въ паркѣ и по привычкѣ взялъ ружье: извѣстно, что Роже страстно любитъ охоту. Всѣ газеты описали подробно несчастное событіе и потому не станемъ его повторять, прибавимъ только, что Роже раздробилъ себѣ руку до костей.

Находясь довольно далеко отъ своего жилища, несчастный артистъ имѣлъ силу войти въ домъ, не испустивъ ни одного стога, ни крика, чтобъ не испугать жены, которая его очень любитъ. Однако скорая помощь была необходима; послали немедленно въ Парижъ за двумя докторами, большими пріятелями Роже; они явились въ сопровожденіи третьяго хирурга. Время, въ ожиданіи пріѣзда докторовъ и ихъ совѣщанія, казалось для всѣхъ окружающихъ цѣлымъ вѣкомъ мученій. Родные Роже, его жена, его лучший другъ Рене Лордеро были въ отчаяніи. Одинъ только превосходный артистъ, претерпѣвая страшныя страданія, старался казаться спокойнымъ; онъ улыбался и вдругъ запѣлъ отрывокъ изъ «Гугенотовъ», прибавивъ съ добродушной улыбкой: — «кажется голосъ хорошъ; видите, что опасность не такъ велика, какъ вы думаете». — А между тѣмъ онъ страшно страдалъ и самъ не надѣялся на спасеніе, но не хотѣлъ увеличить горя близкихъ его сердцу. Возвышенныя натуры одарены рѣдкимъ, чуднымъ инстинктомъ, помогающимъ имъ переносить самыя ужасныя испытанія и диктующимъ имъ слова навсегда памятыя для окружающихъ.

Газеты и журналы съ участіемъ описали ужасную катастрофу. Несчастіе Роже нашло сочувствіе во всѣхъ слояхъ общества и это единодушное соболѣзнованіе ясно доказало, что удивляясь Роже, какъ превосходному пѣвцу, любили и уважали его какъ честнаго и благороднаго человѣка.

Всѣ газеты описали также съ многими подробностями

процессъ страшной операціи и героическое спокойствіе знаменитаго пѣвца; онъ просилъ только поспѣшить операціей, тихо повторяя святыя слова молитвы.

Большая часть Парижанъ и всѣ окрестные жители пребывали въ замкѣ страждущаго Роже, искренно сочувствуя его несчастію. Теперь, когда опасность миновала, можно надѣяться, что превосходный пѣвецъ не совсѣмъ потеряетъ для театра; Роже только еще 43 года; голосъ его силенъ: доказательство тому—онъ пѣлъ четырнадцать разъ въ мѣсяцъ; актеръ онъ также превосходный; Роже не любилъ жестовъ при пѣніи, какъ большая часть современныхъ теноровъ, а конечно идеалъ совершенства въ пѣніи составляетъ не гимнастика, слѣдовательно потеря руки не можетъ быть препятствіемъ къ возвращенію на сцену отличнаго пѣвца.

Извѣстный музыкальный критикъ и другъ Роже, Фиорентино въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ фельетоновъ, подаль прекрасную мысль, которую, вѣроятно, примутъ къ свѣдѣнію. Война за независимость Италіи можетъ доставить не одинъ трогательный эпизодъ, который удачно обработали бы Оберъ и Скрибъ, написавъ главную партію героя для Роже. Эти три соединенныя имени доставили бы огромный сборъ Комической Оперы.

Императоръ Французовъ, узнавъ о несчастіи, постигшемъ Роже, назначилъ его профессоромъ императорской музыкальной консерваторіи.

Роже, какъ истинный артистъ, любитъ все изящное; двадцать лѣтъ сряду служилъ онъ искусству; единственной мечтой знаменитаго пѣвца было накопить достаточно денегъ для покупки замка, въ которомъ предполагалъ проводить лѣто. Онъ отдалъ свой великолѣпный отель въ улицѣ Тюрго вънаймы одному Англичанину, прельстившемуся изящнымъ убранствомъ этого роскошнаго жилища и купилъ въ прошломъ году замокъ Лалаидъ, по дорогѣ къ *Villiers sur Marne*, принадлежавшій когда-то принцу Конти, а въ послѣднее время одному изъ старыхъ наполеоновскихъ маршаловъ. Роже велѣлъ совершенно перестроить и передѣлать замокъ; зимой каждый свободный день онъ ѣздилъ туда и самъ распоряжался работами; можно по справедливости сказать, что прошедшую зиму Роже былъ скорѣе архитекторомъ и обойщикомъ, чѣмъ пѣвцомъ; и только что въ первыхъ числахъ марта показалась первая травка, Роже со всѣмъ семействомъ переехалъ въ свое новое жилище. Замокъ Лалаидъ былъ осуществленіемъ двадцатилѣтнихъ мечтаній знаменитаго тенора; половину жизни онъ трудился для пріобрѣтенія дома по своему вкусу, въ которомъ онъ надѣялся отдыхать отъ всѣхъ тревоженій и непріятностей артистической жизни. Мечты осуществились; домъ купленъ, украсился всѣми рѣдкими вещами, собранными во время поѣздокъ тенора по Франціи, Англіи, Шотландіи, Германіи, но случившееся несчастіе отравило радость благороднаго артиста.

Роже какъ уже сказано выше, имѣетъ огромный кругъ друзей и знакомыхъ; онъ обладаетъ особеннымъ искусствомъ принимать гостей; вечера его славятся своею истинною прелестью. Тутъ можно встрѣтить всѣхъ знаменитостей музыкальнаго, литературнаго, артистическаго міра. Роже одушевлялъ эти вечера своею милою любезностью и чуднымъ пѣніемъ. Однажды онъ только что окончилъ дуэтъ съ одной дамой, какъ вошелъ въ залу товарищъ Роже, баритонъ Большой Оперы.

— Ты не опоздалъ, сказалъ ему Роже, мы именно оставились на терцетѣ, въ которомъ ты всегда участвуешь!—

Вновь прибывшій улыбнулся, взялъ ноты и терцетъ прошелъ какъ нельзя лучше.

Приведемъ еще одинъ случай, бывший какъ бы таинственнымъ предвѣстникомъ нынѣ приключившейся катастрофы.

Семь или восемь лѣтъ тому назадъ, у Роже ужинало веселое общество друзей, въ числѣ которыхъ находились Берліозъ, Фиорентино и др.

Къ четыремъ часамъ утра всѣ эти *beaux-exprits*, одушевленные шутками и безпрестаннымъ чоканіемъ стакановъ, дошли до той невыразимой и финальной веселости, неприличной за супомъ или послѣ первой перемены блюдъ, но допускаемой между друзьями за десертомъ послѣ отличнаго ужина, орошеннаго какъ слѣдуетъ. — Недаромъ знаменитый писатель и мыслитель Блезъ Паскаль сказалъ: «*Erreur en deçà, vérité au delà du roli!*».

Какъ бы то ни было, веселость гостей Роже, сладко укачиваемая волнами шампанскаго и другихъ випъ, приближалась къ тому роковому берегу, достигнувъ котораго многіе умные люди подвліяніемъ Бахуса считаютъ весьма игривымъ подражать пѣтуху, собакамъ, кошкамъ и вызываютъ одобреніе другихъ не менѣе умныхъ людей, также задѣтыхъ Бахусомъ. Однимъ словомъ мысль пьянства была близко. Школьники, конечно, тотчасъ бы къ нему пристали. Друзья парижскаго тенора привѣтствовали его издали какъ опытные путешественники, совершившіе уже свой кругъ около свѣта.

Одинъ изъ пирующихъ всталъ изъ за стола; между тѣмъ какъ прочіе шумно бесѣдовали, бросилъ взглядъ на рѣдкія вещи, украшавшія столовую, потомъ прошелъ въ кабинетъ хозяина дома, обладавшаго прекрасной и замѣчательной коллекціей оружія, и скоро возвратился съ охотничьимъ двустольнымъ ружьемъ.

Онъ удивляется превосходной работѣ, ворочаетъ ружье во всѣ стороны, заряжаетъ его и прицѣливается въ своего собрата по фельетонамъ Берліоза, прибавивъ комически торжественнымъ тономъ:

— Я хочу убить Берліоза; онъ опасный соперникъ, подрываетъ мою музыкальную критику. Берліозъ, ты умрешь! Пиши скорѣе свое завѣщаніе и передай мнѣ *les Débats!*... Прощай, Берліозъ, вѣчная тебѣ память!

Берліозъ, хотя и носитъ имя побѣдоноснаго завоевателя Гектора, по не съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на уставленное противъ него дуло. Напрасно Роже со смѣхомъ увѣрялъ его, что ружье не заряжено, Берліозъ никакъ не могъ успокоиться.

— Нѣтъ, мнѣ стало жаль этого мнимаго Гектора, сказалъ салонный охотникъ и положилъ конецъ мукамъ автора *Бенвенуто Челлини*, обративъ ружье противъ Роже, въ котораго цѣлился въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ, не возмущивъ яснаго спокойствія пѣвца, увѣреннаго въ своемъ другѣ.

Грозный и прихотливый охотникъ пощадилъ Роже также какъ и Берліоза. Онъ вспомнилъ о кассирѣ Большой Оперы, о Мейерберѣ, о публикѣ, о *Пророкѣ*, успѣхъ котораго тогда былъ въ полномъ блескѣ, и изъ любви къ *Пророку* подарилъ жизнь Іоанну Лейденскому. Но за то приговорилъ разстрѣлять своего друга на его портретѣ и взявъ полотно на которомъ Роже былъ изображенъ во весь ростъ: «Вотъ этотъ господинъ поплатится за всѣхъ васъ», сказалъ онъ и обратилъ ружье противъ новой цѣли. На этотъ разъ онъ прижалъ курокъ, раздался выстрѣлъ и къ общему удивленію

пуля пробил портретъ, разорванный выстрѣломъ на двадцать кусковъ,

Это убійство портрета привело въ волненіе присутствующихъ. Собесѣдники съ ужасомъ переглянулись при мысли, что за этимъ веселымъ ужиномъ одинъ изъ шалости едва не сдѣлался убійцей, а другой жертвой вѣтренности своего друга. Блѣдые, при мысли, что могли быть обрызганы кровію Берліоза или Роже, пирующие друзья поклялись никогда болѣе не шутить съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, которое тогда и страшно, когда его считаютъ совершенно безопаснымъ.

Друзья Роже давно забыли этотъ ужинъ, на которомъ чуть не явилась пезванная гостя— смерть, какъ на знаменитомъ пиру Лукреціи Борджини, но когда Роже уналъ въ крови въ своемъ паркѣ, одинъ изъ актеровъ давнишняго ужина вспомнилъ о выстрѣлѣ, который когда-то попалъ въ портретъ артиста вмѣсто его самого.

Извѣстно, что Роже прострѣлилъ себѣ правую руку, ту самую руку, которую онъ въ *Пророкѣ* кладетъ на голову своей матери Фидесъ и этимъ движеніемъ выражаетъ болѣе чѣмъ другіе теноры всѣмъ голосомъ и тѣломъ.

Замѣчательно также, что жена Роже, пѣжно его любящая, всегда имѣла предубѣжденіе противъ охоты, со страхомъ отпускала каждый разъ мужа и Роже часто рассказывалъ своимъ друзьямъ, что жена его проситъ всегда *звзводить курокъ на охотѣ*.....

Теперь жизнь Роже виѣ опасности и можно надѣяться что талантливый пѣвецъ будетъ возвращенъ искусству и любящей его публикѣ.

Воспоминаніе о Женни Линдъ.

(Андерсена).

Въ *сказкѣ моей жизни* я описалъ характеры нѣкоторыхъ знатныхъ особъ, имѣвшихъ на меня вліяніе, какъ на поэта, но никто не произвелъ на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ женщина, о которой собираюсь здѣсь говорить. При этой женщинѣ невольно забываешь эгонистическія чувства и живѣе понимаешь всю святость искусства и силу творчества, которую Богъ даруетъ гениамъ. Возвращаясь къ 1840 г.; я жилъ въ то время въ Копенгагенѣ, въ отелѣ для пріѣзжающихъ. Однажды читая списокъ пріѣзжихъ изъ Швеціи, я замѣтилъ имя Женни Линдъ. Миѣ было уже тогда извѣстно, что она первая пѣвица Стокгольма. Въ этомъ же году я былъ въ Швеціи и нашелъ тамъ самый радушный приемъ, и потому счелъ не лишнимъ сдѣлать визитъ молодой артисткѣ. Въ то время кромѣ Швеціи Женни Линдъ почти нигдѣ еще не была извѣстна, полагаю, что даже въ Копенгагенѣ немногія знали ея имя. Женни Линдъ приняла меня очень учтиво, но довольно холодно. Она рассказала миѣ, что собирается съ отцомъ въ южную Швецію и только на нѣсколько дней остановилась въ Копенгагенѣ, чтобы осмотрѣть этотъ городъ. Мы разстались какъ чужіе; пѣвица произвела на меня самое обыкновенное впечатлѣніе, которое скоро изгладилось. Осенью въ 1843 г., Женни Линдъ снова пріѣхала въ Копенгагенъ; одинъ мой пріятель, извѣстный балетмейстеръ Бурнонвилъ, женатый на Шведкѣ и подругъ Женни Линдъ, увѣдомилъ меня о пріѣздѣ пѣвицы и

прибавилъ, что она дружески обо миѣ вспоминаетъ и читаетъ мои сочиненія.

Бурнонвилъ уговорилъ меня идти вмѣстѣ къ Женни Линдъ, прибавивъ, что она ангажирована на нѣсколько ролей къ Королевскому театру. Я съ ума схожу отъ ея голоса, прибавилъ онъ. На этотъ разъ меня приняли не какъ чужаго; молодая пѣвица дружески протянула миѣ руку и стала говорить о моихъ сочиненіяхъ и Фридерикъ Бремеръ, ея короткой пріятельницѣ. Рѣчь скоро зашла объ ея появленіи на копенгагенской сценѣ и Женни Линдъ выразила на этотъ счетъ большой страхъ. «Кромѣ Швеціи», сказала она, «я нигдѣ еще не выходила на сцену; на моей родинѣ всѣ такъ ласковы и добры ко миѣ, но въ другомъ мѣстѣ, быть можетъ, меня не удостоютъ такого снисхожденія. Что, если меня освищутъ въ Копенгагенѣ! Какъ ужасно!» И отвѣчала, что не могу судить о ея талантѣ, потому что никогда не слыхалъ ея пѣнія и не знаю какъ она играетъ, но увѣренъ, что она будетъ имѣть успѣхъ въ Копенгагенѣ и совѣтовалъ ей снова приняться за дебюты. Ходатайство Бурнонвила доставило Копенгагену величайшее наслажденіе, какое-только можно желать. Женни Линдъ дебютировала въ роли Алисы въ «Робертѣ». Это было новое открытіе въ области искусства; молодой свѣжій голосъ юной пѣвицы плѣнилъ всѣ сердца; въ ея пѣніи было столько простоты и истины, задушевности и граціи!

Въ одномъ концертѣ Женни Линдъ пропѣла свои шведскія пѣсни и увлекла всѣхъ слушателей; они забыли, что находятся въ концертной залѣ; народныя мелодіи, исполненныя такимъ свѣжимъ чуднымъ голосомъ, съ такимъ гениальнымъ совершенствомъ, свели съ ума весь Копенгагенъ. Женни Линдъ была первая пѣвица, въ честь которой датскіе студенты устроили серенаду; цѣлая толпа студентовъ, съ зажженными факелами, окружила гостиницу, гдѣ остановилась пѣвица, и привѣтствовала ее громкой музыкой; Женни Линдъ, въ благодарность, пропѣла еще нѣсколько шведскихъ пѣсенъ; я видѣлъ какъ она, окончивъ пѣніе, убѣжала въ самый темный уголъ комнаты и залилась слезами. «Да, да,» говорила она, «я буду трудиться, употреблю всѣ старанія, чтобы усовершенствоваться и буду лучше пѣть когда еще разъ пріѣду въ Копенгагенъ.» На сценѣ Женни Линдъ была великая артистка, высоко стоящая надъ всѣмъ ея окружающимъ, а дома кроткая молодая дѣвушка съ чистою дѣтскою душой.

Появленіе Женни Линдъ въ Копенгагенѣ было эпохой въ лѣтописяхъ нашей оперы. Я понималъ всю святость искусства услышавъ одну изъ его жрицъ. Изъ Копенгагена Женни Линдъ снова уѣхала въ Стокгольмъ и скоро я получилъ объ ней извѣстіе черезъ Фридерiku Бремеръ. «Мы давно уже оцѣнили Женни Линдъ какъ пѣвицу», писала она между прочимъ, «ее можно безспорно назвать величайшей артисткой нашего времени, но вы не знаете всѣхъ превосходныхъ качествъ нашей соотечественницы; заговорите съ Женни объ ея искусствѣ, вы удивитесь ея уму и силѣ характера; заговорите съ ней о Богѣ и о религіи, вы увидите слезы въ ея невинныхъ глазахъ: она великая артистка, но еще выше стоитъ какъ женщина!...»

Въ слѣдующемъ году я былъ въ Берлинѣ и навѣстилъ Мейербера; разговоръ зашелъ о Женни Линдъ. Мейерберъ слышалъ какъ она поетъ шведскія пѣсни и былъ въ восторгѣ отъ молодой пѣвицы. По хорошая ли она актриса? спросилъ меня знаменитый маэстро. Я съ восторгомъ отозвался объ ея игрѣ и передалъ ему нѣкоторыя черты изъ исполняемой ею роли Алисы. Мейерберъ тутъ же изъявилъ свое желаніе

угovorить Женни Линдъ прїѣхать въ Берлинъ. Извѣстно, что Женни Линдъ пѣла въ Берлинѣ, всѣхъ удивила и восхитила и приобрѣла съ тѣхъ поръ европейскую славу.

Слѣдующею осенью она прїѣхала снова въ Копенгагенъ. Невозможно описать восторгъ публики при извѣстїи о ея прїѣздѣ; въ день перваго представленія театръ былъ въ буквальномъ смыслѣ осажденъ, для полученія билетовъ.

Женни Линдъ явилась еще геніальнѣе въ своемъ искусствѣ чѣмъ прежде, и выказала свой талантъ во многихъ разнообразныхъ роляхъ.

Въ роли Нормы она пластически хороша; каждое ея движеніе можетъ служить прекрасною моделью для скульптора и сверхъ того видно, что игра ея незаучена передъ зеркаломъ, а проникнута неподдѣльнымъ чувствомъ.

Норма—не бѣснующаяся итальянка; она—женщина съ благороднымъ сердцемъ, жертвующая собою для несчастной соперницы; женщина, которой въ порывѣ страсти и ревности, можетъ придти мысль умертвить дѣтей невѣрнаго любовника, но которая, при видѣ невинныхъ младенцевъ, тотчасъ жераскаивается въ своемъ намѣреніи.

«Норма, ты святая жрица» поетъ хоръ и эту святую жрицу Женни Линдъ осуществила и выказала вполнѣ въ аріи: «Casta diva».

Въ Копенгагенѣ пѣла она всѣ свои роли на шведскомъ языкѣ, а прочія пѣвицы на датскомъ; оба языка очень ловко гармонировали между собой; даже въ «Дочери полка», гдѣ очень много разговоровъ, ея шведскій языкъ очень оживляетъ піесу и что за игра! Никогда еще не видали на сценѣ такой непринужденной, естественной игры! Маркизантка Марія въ лицѣ Женни Линдъ—настоящее дитя природы, взросшее въ лагерь, но врожденное благородство выказывается въ каждомъ движеніи. Лучшія роли Женни Линдъ: «Дочь полка» и «Невѣста Лунатикъ»; въ нихъ она неподражаема и трудно другой артисткѣ замѣнить ее. При видѣ ея плачешь, смѣешься, чувствуешь, что дѣлаешься лучше и оощаешь Божіе вдохновеніе въ искусствѣ!

«Такія личности какъ Женни Линдъ, сказалъ Мендельсонъ, рождаются вѣками!» Его слова подтвердили мое всегдашнее убѣжденіе. Всю прелесть Женни Линдъ составляетъ ея умъ и дѣтская веселость, производящія удивительное впечатлѣніе. Она счастлива, радостно и безмятежно глядитъ на свѣтъ Божій, цѣль всѣхъ ея помысловъ—тихая, спокойная жизнь; она горячо любитъ свое искусство и понимаетъ свое призваніе. Благородный скромный и набожный ея характеръ не испортился отъ разныхъ поклоненій.

Одинъ только разъ, при мнѣ, Женни Линдъ выразила свою радость и счастье при видѣ своихъ успѣховъ. Это было въ послѣднее пребываніе ея въ Копенгагенѣ; почти каждый вечеръ она пѣла въ операхъ и концертахъ, каждый часъ у ней былъ занятъ. Однажды кто-то заговорилъ съ Женни Линдъ о благотворительномъ обществѣ, цѣль котораго помогать несчастнымъ дѣтямъ, оставленнымъ своими родителями и принужденнымъ или просить милостыню или красть; общество не только обязуется помогать, но и исправлять нрав-

ственность прирѣжаемыхъ. Учредители этого общества ежегодно жертвовали небольшую сумму для вспомошествованія дѣтямъ, но все-таки средства общества были весьма ограничены. «Да развѣ у меня нѣтъ хотя одного свободнаго вечера?» сказала Женни Линдъ, позвольте мнѣ дать представленіе въ пользу бѣдныхъ дѣтей; только мы назначимъ двойныя цѣны».

Представленіе было дано и доставило значительный сборъ. Когда Женни Линдъ узнала, что своимъ содѣйствіемъ обезпечила на нѣсколько лѣтъ участь многихъ дѣтей, лицо ея радостно просіяло и слезы навернулись на глазахъ. «Какое счастье, что я умѣю пѣть, сказала она».

Я люблю и почитаю великую пѣвицу какъ нѣжный братъ и чувствую себя счастливымъ, что умѣю понять и оцѣнить такое превосходное сердце. Да пошлетъ ей Господь покой и тихое счастье, котораго она такъ желаетъ! Благодаря Женни Линдъ я научился понимать святость искусства и постигъ сладость тихой молитвы. Ни люди, ни книги, никогда не производили на меня, какъ на поэта, такого сильнаго и вмѣстѣ чуднаго впечатлѣнія, какъ Женни Линдъ; вотъ почему я такъ много и съ такимъ участіемъ говорилъ объ ней.

Замѣтка на новую выходку Ростислава Феофиловича.

Въ № 178-мъ Сѣв. Пчелы, г. Ростиславъ Феофиловичъ, снова пытается со свойственною ему желчностью уколоть А. Н. Сѣрова и меня. Новая его выходка достойна прежнихъ и служить новымъ образчикомъ топорной и неуклюжей полемики *великаго* музыкальнаго критика, композитора и фельетониста. Онъ очень ошибается, полагая, что я познакомился съ Россіи въ качествѣ *великаго музыканта и знаменитаго критика*; я познакомился просто въ качествѣ скромнаго издателя Т. и М. Вѣстника. Гдѣ намъ быть великими музыкантами и знаменитыми критиками! другое дѣло безсмертный авторъ «Birichino di Parigi» и критикъ, написавшій разборъ *Мазепы*.—Впрочемъ, отвѣчать на нелѣпыя нападенія великаго сподвижника *всѣми уважаемой газеты* не стану, я указалъ только на № газеты, на случай, еслибъ кто-либо изъ нашихъ читателей вздумалъ полюбопытствовать до какой степени самоуниженія можетъ довести человека—желчность; такъ напр. сравненіе кого бы то ни было съ Бѣшенковскими цимбалистами унижаетъ самаго же г. Ростислава: подобное сравненіе достойно пера грознаго Феофиловича, въ полномъ блескѣ обнаруживаетъ степень его образованія и возбуждаетъ къ нему одно только чувство презрѣнія.

М. РАППАПОРТЪ.

Печатать дозволяется. С. Петербургъ, 22 августа 1859 года. Цензоръ А. Ярославцовъ.

Въ типографіи Іонсона.

Редакторъ М. РАППАПОРТЪ.

Издатель Ф. СТЕЛЛОВСКІЙ.